

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЖЕРТВ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА НАЧАЛА XX ВЕКА

О. Н. Квасов

Воронежская государственная лесотехническая академия

Поступила в редакцию 25 июня 2010 г.

Аннотация: *в статье рассматривается вопрос количества жертв революционного терроризма начала XX в. Анализируются административные источники, сведения средств массовой информации и революционных партий. Публикуются наиболее обоснованные данные по проблеме.*

Ключевые слова: *революционный терроризм, статистика террористических жертв, критика исторических источников.*

Abstract: *the article discusses the questionable data of death toll during the period of revolutionary terror in the early XX century. Different sources are taken into account: administrative, mass media, reports of revolutionary parties. The article presents the soundest data.*

Key words: *revolutionary terror, death toll statistics, primary source criticism.*

Последние два десятилетия придали новый импульс изучению исторических событий, связанных с террорологической тематикой. В российской истории это, в первую очередь, коснулось процессов социально-политического кризиса начала XX в. Появился целый комплекс научной литературы по проблеме российского революционного экстремизма [1–4]. Все эти исследования обязательно используют некоторый набор цифр террористических проявлений. Зачастую эти цифры ограничиваются двумя вопросами: демонстрацией различных параметров совокупного количества жертв и числом осуществленных террористических актов партией эсеров, наиболее известного субъекта революционного терроризма. В региональной литературе изредка встречаются цифры, характеризующие масштабы местной террористической активности. Этих фактов далеко не достаточно, чтобы составить объективную картину роли и специфики революционного терроризма в российских социально-политических процессах начала XX в. Кроме того, необходимо отметить, что отношение к цифрам террористической деятельности противоречивое. Естественно, что нельзя сравнивать по резонансу и значению ни с одним другим покушением убийства министра внутренних дел В. К. Плеве или великого князя Сергея Александровича. Но столь же очевидно, что количественные параметры конкретизируют и уточняют представления о тенденциях политической борьбы, ее особенностях и направленности, при

этом важно исходить из правильного, репрезентативного набора цифр.

В ходе революции 1905–1907 гг. подсчеты количества терактов, числа пострадавших и их социального статуса проводились неоднократно. Этим занимались органы власти в лице местной администрации и структур Департамента полиции (ДП), не отставали средства массовой информации; единичные случаи подсчета своей террористической деятельности дают и оппозиционные партии. Именно на эти подсчеты современников опираются в исследованиях как зарубежные, так и отечественные ученые. Целенаправленных подсчетов различных параметров террористической деятельности начала XX в. на основе совокупного анализа и сопоставления различных источников, за исключением только некоторых регионов и партий, современными исследователями не проводилось, что не способствует углублению знаний о феномене революционного терроризма.

Собравший статистику о терактах и опубликовавший 13 томов известной «Книги русской скорби» В. М. Пуришкевич говорил о 20 тысячах «раненых, искалеченных и убитых» террористами [5, с. 92]. Известные исследователи проблематики терроризма А. Гейфман [3, с. 32] и О. В. Будницкий [4, с. 25] солидарно называют 17 тысяч человеческих жертв за период революционных потрясений с 1901 по 1916 г. Последняя цифра, как отмечают авторы, получена на основе критического подхода к исследованиям зарубежных специалистов и аналитическим трудам современников. Тем не менее в литературе,

как научной, так и тем более публицистической, встречается масса цифр, подчас очень разноплановых и ложно интерпретируемых.

В советской историографии проявления террористического характера не включались в статистику форм революционного движения, видимо, как относящиеся к индивидуальному, а не массовому протесту. Даже в статистике крестьянского движения такая распространенная форма борьбы, как поджоги, зачастую просто игнорировалась. При этом достаточно очевидно, что революционный терроризм – неотъемлемая и характерная часть российского общественно-политического движения конца XIX – начала XX вв.

В исследованиях последних лет этот недостаток стараются исправить и указывают террористические проявления, однако имеющаяся фактическая база данных по терроризму крайне несовершенна. Так, в новаторском исследовании политической активности городских слоев Центрального Черноземья в 1905–1907 гг. исследователи В. В. Канищев и П. П. Щербинин отмечают только 3 теракта, что составило, по их подсчетам, менее 1 % от всей совокупности форм политических выступлений горожан [6, с. 124]. Однако фактические данные показывают, что только на частных лиц и государственных служащих Черноземья в 1905–1907 гг. было совершено в городах не менее 48 покушений [7, с. 207–213], а это составляет уже 5,5 % выступлений горожан и не многим уступает такой форме, как «демонстрации, шествия и т.д.». А ведь кроме покушений были и другие формы террористических проявлений (экспроприации, вымогательства и пр.). Но самым распространенным заблуждением является отождествление всего российского революционного терроризма начала XX в. с есеровским террором. Подчас это отождествление носит характер буквальной подмены. При этом игнорируется огромное количество актов националистического (Польша, Армения, Прибалтика), межнационального (армяно-турецкий конфликт), анархистского терроризма, а более 200 известных терактов, осуществленных боевиками ПСР, воспринимаются как образчик всероссийского террора, что далеко не корректно. Поэтому, говоря о российском терроризме начала XX в., необходимо ясно представлять не только его роль и влияние на ход политических событий, но и реальные масштабы явления, характер и природу его проявлений.

На объективность статистических показателей начала XX в. большое влияние оказывает проблема дефиниций и критериев феномена терроризма. Эта проблема, спустя уже более века, так и не решена. Причины имеют как юриди-

ческое, так и политическое свойство. Понятие *терроризм в начале XX в.* не имело процессуального статуса, а элементы террористического деяния входили составной частью в целый ряд уголовных и государственных преступлений. Современники основными критериями террора считали вооруженное посягательство на жизнь государственного или политического деятеля, достаточно очевидное участие в организации покушения революционной партии и минимальное количество участников совершения преступления, что, собственно, и определяло название преступления – индивидуальный террор, в отличие от террора как государственного насилия якобинской Франции. При этом в самом ДП неопределенно представляли себе состав террористического акта, если его признаками выделяли «всякие убийства, ранения и бросание взрывчатых снарядов, – но без корыстной цели» [8, л. 4, 37]. Известный словарь Брокгауза и Ефрона терроризм увидел и в «вооруженной защите против обысков и арестов» [9], что также отражалось и в полицейской статистике, включавшей эти жертвы в число террористических. Еще меньше определенности было в формулировке экспроприаций. Ничего удивительного, что чиновники полиции подчас объединяли жертв чисто уголовных преступлений, террористических актов, массовых революционных выступлений и сопротивления революционеров при аресте.

В данной работе мы рассматриваем террор как способ социально-политической борьбы, включающий в себя систематическую эскалацию насилия на микроуровне (субъективный фактор) с целью решить макропроблему (объективную). Основными критериями терроризма являются активная направленность на насилие, что встречается абсолютно во всех его проявлениях, систематичность, проявляющаяся в упорядоченном использовании террористических актов, что возможно лишь при определенной организованности, и попытка с помощью террора решить глобальную проблему за счет второстепенных, субъективных факторов: убийство лидеров, искусственная дестабилизация правительственного аппарата, всеобщее устрашение и др.

Кроме дефиниционной проблемы, других факторов, имеющих серьезное влияние на полицейскую статистику, как на губернском уровне, так и в самом ДП нет. Это не исключало попыток волюнтаристского влияния на местную отчетность со стороны руководства, однако признать такие случаи массовыми оснований не имеется. В начальный период революции существенным явлением была некомпетентность местных органов правопорядка и даже жандар-

мерии в вопросах революционно-партийного движения, что отмечалось неоднократно еще современниками и также накладывало свой отпечаток на статистические сведения. В целом можно заключить, что органы власти старались, насколько это возможно, точно вести статистику революционных преступлений. Это утверждение соответствует общему мнению исследователей о положении вещей в российской статистике на рубеже веков и касается не только политических проявлений, но и экономических показателей, демографии и пр. [10, с. 590]. Каждое административное подразделение полиции должно было давать отчетность обо всех местных революционных происшествиях перед вышестоящим, которое обрабатывало и направляло сведения выше. Независимо от этого информацию в МВД поставляли канцелярии губернаторов, наместников, генерал-губернаторов и пр. Недостатками этих сведений являются их очень ограниченный информационный объем и отсутствие стандартизированного опросника. Неоднократно по тем или иным причинам ДП дополнительно требовал сведения о пострадавших от терактов, раненных террористами полицейских чинах, жертвах патриотических организаций и пр. Так, циркуляром ДП по 4 делопроизводству от 13 июля 1908 г., № 66326 местным властям было предложено собрать «сведения о всех должностных лицах гражданского ведомства, погибших с 4 февраля 1905 г. в борьбе с революцией, как при отдельных террористических актах, так и при подавлении беспорядков, при вооруженных сопротивлениях во время обысков и арестов, при обнаружении разрывных снарядов и т.п.» [11, с. 297–298]. Сбор этой информации был необходим для вечно поминовения имен погибших в московском храме на Ходынском поле. Всего на стенах храма были упомянуты «имена 52 офицеров и 258 солдат, 6 казачьих офицеров и 79 казаков, 2 адмиралов, 27 флотских офицеров и матросов, а также 1413 должностных лиц и чинов полиции, а также 40 высших должностных лиц, начиная с великого князя Сергея Александровича» [12].

Кроме того, различные министерства через свои подразделения вели отраслевую статистику. К примеру, известная русская газета в 1906 г. сообщала: «Департамент государственного казначейства подводит итоги ограблений казначейств по России. Убытки казны от грабителей достигают уже 1 300 000 рублей» [13]. При этом разделения политических и чисто уголовных грабежей не указывались. Таким образом, в документах государственного делопроизводства имеются статистические сведения о революцион-

но-террористической активности, которые в силу понятийной неопределенности, ограниченной информационной нагрузки, а подчас и противоречивых критериев подсчета стоит использовать очень осторожно, однако на данный момент этот источник наиболее обоснованный.

Из сведений, предлагаемых ДП, необходимо выделить предоставленные по редакционной просьбе изданию А. С. Суворина «Русский календарь» «цифровые данные о числе террористических актов и о количестве вызванных ими жертв за время с 1 января по 20 августа 1906 г.» [14, л. 2; 15, л. 13 об. – 14]. Это редкая столь обширная и информативная таблица по проблеме, показатели которой в дальнейшем будут использоваться официальной властью, СМИ и современной исторической наукой.

В таблице приводятся цифры по трем основным категориям – количество пострадавших частных и должностных лиц в ходе осуществления различных терактов, количественные характеристики некоторых видов революционного терроризма и подразделение этих подсчетов на три периода: «за время с 1 января до созыва Государственной думы (27 апреля)», «за время существования Государственной думы (27 апреля – 9 июля)» и «за время с 9 июля по 20 августа (после Думы)». Таблица дает следующие результаты: «с 1 января по 20 августа 1906 г. всех террористических актов – 1 782. Пострадало всего при этом: 1 363 человека. Из них убито: 594 должностных и частных лиц. Ранено: 769 человек должностных и частных лиц. В том числе одних должностных лиц пострадало 866 человек. 1 период: 117 дней – 636 случаев, 2 период: 72 дня – 600 случаев, 3 период: 43 дня – 547 случаев. В среднем: 1 период – на месяц 165, 2 период – 250, 3 период – 380».

Однако к вышеперечисленным недостаткам полицейской статистики в этой таблице допущены и математические ошибки, которые можно объяснить невнимательностью при подсчете. Так, всех терактов в сумме 1 682, а не 1782, число терактов с использованием бомб – 155, а не 134, убито нижних чинов полиции – 194, а не 201. Соответственно и убито должностных и частных лиц не 594, а 587.

Эта таблица хорошо иллюстрирует, на сколько подсчеты ДП и периодической печати могли различаться. Так, газета правой ориентации «Симбирянин» за тот же период 1906 г. насчитала в два раза больше жертв террора среди госслужащих, чем ДП, а именно 1930, среди которых 750 солдат и казаков, 452 городских и стражников, 226 приставов, околоточных и урядников, 123 чиновника, 109 офицеров,

96 жандармов и служащих тайной охраны, 81 генерал-губернатор и высшие представители власти, 60 исправников и полицмейстеров, 33 губернатора и представителя высших жандармских властей [11, с. 98–99]. В данном случае очевидно, что в число нижних чинов и офицеров попали не только террористические, но и жертвы массовых революционных выступлений.

В этом же архивном деле ГАРФ находится департаментская проверка опубликованных в журнале «Практический врач» [14, л. 1] сведений о пострадавших при террористических покушениях с февраля 1905 по май 1906 г. ДП уточнил эти данные «сведениями местных властей». В деле представлены две таблицы с перепроверенными сведениями, причем более поздняя имеет уточненные данные и добавлена категорией «нижние чины армии». В деле указываются следующие цифры (первая – из журнала «Практический врач», вторая – представлена ДП): генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников – 34 и 15, полицмейстеров и помощников – 38 и 9, исправников, приставов и околоточных – 204 и 221, городских – 206 и 336, урядников и стражников – 184 и 307, офицеров охранных отделений и губернских жандармских управлений (ГЖУ) – 17 и 8, нижних жандармских чинов – 51 и 57, агентов охранной полиции – 56 и 18, армейских офицеров – 61 и 26, нижних чинов армии – 164 и 191, чиновников гражданского ведомства – 178 и 85, духовных лиц – 31 и 12, представителей сельской власти – 20 и 53, землевладельцев – 49 и 51, фабрикантов и их высших служащих – 64 и 54, банкиров и крупных торговцев – 64 и 29. Всего – соответственно 1421 и 1481. Но и в этом случае ДП допустил ошибку в подсчетах. Общее число жертв по списку ДП составляет 1472 человека, а не 1481.

Расходятся с этими сведениями цифры, озвученные в первой Государственной думе министром внутренних дел П. А. Столыпиным. 8 июня 1906 г., выступая по запросу о А. П. Щербаче, он сообщил, что с октября 1905 г. до 20 апреля 1906 г. «было убито 288, а ранено 383, кроме того, было 156 неудачных покушений» [16, с. 40] на чиновников МВД. Общее число жертв, таким образом, составило 671 человек. Представленные выше цифры дают другую статистику пострадавших чинов МВД (сумма первых восьми категорий таблицы, без губернаторов и градоначальников): «Практический врач» – 756, ДП – 956 человек. При этом Столыпин привел сведения за 7 месяцев, а в таблице указаны показатели за 16. Объяснить эту разницу можно либо ошибочной статистикой министра,

либо резко увеличившейся активностью террористов после октябрьских событий 1905 г., что более вероятно.

Сопоставимы с цифрами таблицы наиболее известные и часто используемые исследователями сведения, указанные в двух телеграммах министра иностранных дел С. Д. Сазонова (1910–1916) послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу (1903–1916). Телеграммы содержат сведения о количестве жертв революционного террора среди чиновников и числе приговоренных к смертной казне революционеров. Публикатор писем А. М. Зайончковский считал, что русскому послу в Лондоне, вероятно, эти данные понадобились «для парламентской борьбы» [17, с. 242–243]. Более допустимо их трактовать как еще один аргумент внутренней слабости России и необходимости заключения англо-русских соглашений, на которых настаивал русский посол [18, с. 182–183]. Опуская цифры судебных приговоров и совершенных казней, отметим количество «пострадавших от террористических актов» чиновников. За 1905 г. – всего 591, из них: убитые – 233, раненые – 358. В 1906 г. всего – 1588, из них: убитые – 768, раненые – 820. В 1907 г. всего – 2543, из них: убитые – 1231, раненые – 1312. В 1908 г. всего – 1009, из них: убитые – 394, раненые – 615. Сведения за 1909 г. даны только на 1 мая, всего – 182, из них: убитые – 65, раненые – 117. Общее количество пострадавших от терактов с 1905 по май 1909 г. включительно составило 5913, из них убитые – 2 691, раненые – 3222. Данные за 1909 г. имеют и дополнительные сведения, разделение жертв на категории служащих и частных лиц и помесечной статистики количества жертв первых пяти месяцев года.

К полицейской статистике можно отнести и данные, указанные в работе Н. С. Таганцева «Смертная казнь». Автор ссылается на «цифры из сведений, сообщенных ДП третьей Государственной думе» [19, с. 92]. В работе отмечаются убитые и раненые должностные и частные лица за 1905–1908 гг. Цифры жертв среди чиновников полностью сходны с указанными в телеграммах Сазонова, а потери среди частных лиц имеют следующие параметры: в 1905 г. было убито и ранено соответственно 52 и 110 человек, в 1906 г. – 358 и 686; в 1907 г. – 1770 и 1734; в 1908 г. – 1436 и 1468. Общее количество жертв от революционного террора в 1905–1908 гг. составило среди частных лиц – 3616 убитых и 3998 раненых. Именно эти цифры являются наиболее часто используемыми в научных и публицистических работах. Для этого есть основания, так как эту статистику не-

однократно использовали управления ведомств и некоторые из цифр сопоставимы с независимыми источниками.

С этими цифрами согласуется и уточняет их статистика периодических изданий. Так, газета умеренно-либерального направления «Биржевые ведомости» указывала, что «число жертв, погибших за истекший год (1906 – О. К.), определяется в 1100 человек убитых и в 1 640 человек раненых, не считая казненных по приговорам судов. Из этого числа революционному террору подверглись до 75 генералов, генерал-губернаторов и градоначальников (убитых и раненых, не считая покушений); 410 лиц убитых и 453 раненых из полицейских и военных чинов. Кроме того, было более 90 неудачных покушений» [20]. Указанное в газете число погибших и раненых близко к цифрам, используемым Таганцевым, убитых как должностных, так и частных лиц – 1126, раненых – 1506. Однако вызывает большой скептицизм чрезмерная цифра жертв среди генералов, генерал-губернаторов и градоначальников. Также Таганцев обращает внимание на резкое уменьшение количества пострадавших чиновников за 1908 г. как в сравнении с предыдущими годами, так и в сравнении с жертвами среди частных лиц. Объяснение этого автор видит в том, что «здесь были прежде зарегистрированы и обыкновенные убийства, вовсе не имеющие политического характера» [19, с. 92].

С большой долей скепсиса воспринимаются опубликованные историком Анной Гейфман сведения о 19 957 «терактах и революционных грабежах», осуществленных в период с января 1908 до середины мая 1910 г., в результате чего погибли 732 чиновника и 3 051 частное лицо, а ранеными оказались 1 022 госслужащих и 2829 частных лиц [3, с. 32]. Сведения даны со ссылкой на полицейское донесение от 16 мая 1910 г., обнаруженное в фонде Заграничной агентуры ДП Гуверовского института в Стенфорде (США)*. На эти данные стали активно ссылаться в исследовательской литературе в последнее время, однако вызывает сомнение не только чрезмерно большое общее число терактов, среди которых получается почти 13 тысяч экспроприаций за 2,5 послереволюционных года, но и превосходство числа убитых над ранеными среди частных лиц, что ранее не наблюдалось и маловероятно. Можно предположить, что мы опять имеем дело с полицейской практикой объединять

понятия и категории разных форм революционной борьбы, и цифра в 20 тысяч представляет собой совокупность не только революционных преступлений, но и чисто уголовных. Особенно если учесть послереволюционные процессы вырождения терроризма в уголовщину.

Кроме органов власти подсчетами террористической активности занималась периодическая печать. Газеты получали сведения двумя основными способами. Во-первых, суммируя информацию из телеграфных сообщений и уже опубликованных сведений, во-вторых, напрямую обращаясь в административные органы, ведомства и полицию за необходимыми данными. Так, уже в августе 1905 г. центральные газеты, со ссылкой на ДП, напечатали статистику покушений на «представителей власти» за апрель и май. Газеты сообщали о 116 покушениях, совершенных в 45 городах России, в ходе которых 42 человека погибли и 62 были ранены, а в 12 случаях покушения не удалось [21, 22]. Самостоятельно вести статистические подсчеты по такой сложной проблеме были в состоянии единичные издания, а собранные ими цифры касались только узкого числа параметров. Однако газеты активно перепечатывали встречающиеся сведения, подчас не указывая источники информации.

Газетные сообщения интересны тем, что часто давали сведения за короткий промежуток времени, а местная печать публиковала губернскую или региональную статистику. Так, ежедневная московская газета консервативного направления «Русское слово» сообщала: «За истекшую неделю криминальная хроника Одессы выразилась в следующих цифрах: вооруженных ограблений и вымогательств – 30, нанесений ран, убийств и значительных избиений «неизвестными» – 10, перестрелок – 20, столкновений «союзников» с различными группами – 5, террористических актов – 3, анархистских убийств – 2» [23]. Или, например: «С 15-го февраля по 1-е марта получены следующие официальные сведения о террористических актах и вооруженных грабежах. Всего пострадало должностных лиц – 20: убито – 15, ранено – 5. Частных лиц – 62: убито – 40, ранено – 21. Крупных грабежей совершено на 438 107 руб. 53 коп. Винных лавок ограблено на 719 руб., мелких грабежей совершено на 447 957 руб. 63 коп. («Бирж. Вед.»)» [24].

Часто публикуемая статистика выходила без каких-либо редакционных рассуждений и комментариев – цифры говорили сами за себя, однако контекст сообщений был напрямую связан с политическим направлением издания. Могло встречаться и такое: «В Нежине полицией аре-

* Те же сведения, но в статье А. Гейфман (Сколько стоил боевизм? // Родина. 1998. № 7. С. 64) даются со ссылкой на «Новое время». 1910. 22 янв.

стован корреспондент «Голоса Москвы» Рубинштейн, автор телеграмм об убийствах и даже сожжениях ряда председателей отделов союза р. н. [русского народа], оказавшихся вымышленными» [25]. Очевидно, что целый ряд причин заставляет к статистике СМИ относиться очень настороженно, однако игнорировать ее, тем более в отношении сведений о регионах и провинции, нельзя.

Большое количество разнообразной статистики, представленной СМИ и администрацией, использовал в своей работе И. А. Малиновский [26]. Эти цифры наглядно позволяли ему обосновать точку зрения о возрастании жертв среди госслужащих и революционеров с ростом взаимной ожесточенности и мстительности. Вину за эту прогрессирующую жестокость Малиновский возлагал в первую очередь на государство.

На террористическую статистику в своих критических работах о царской России ссылался и известный публицист В. К. Обнинский. Он прямо отмечал, что опирается на «сводку телеграмм» (имелись в виду сведения телеграфных агентств. – *О. К.*), при этом достаточно категорично утверждал, что считает такой подсчет как «почти исчерпывающее действительное число» терактов [27, с. 152; 28, с. 150–158, 253–258]. Согласиться с ним в этом нельзя, для чего достаточно увидеть, что за тревожный для всей империи ноябрь 1905 г. он насчитал только 4 убийства и 3 покушения, что явно недостаточно. «Террористический дебют» только Боевой организации Польской социалистической партии в Варшаве 11 ноября унес жизни 4 человек. А помимо этого были ежедневные террористические акции на Кавказе и в Прибалтике, ноябрьский всплеск эсеровского терроризма в Саратове, в течение которого был убит командированный с карательными полномочиями генерал-адъютант В. В. Сахаров и покушались на вице-губернатора И. Г. Кнолля. В то же время Обнинский одним из первых стал делать выводы из статистического анализа терроризма. Так, он замечал: «Приготовления к взрывам, фабрикация бомб, организация покушений падают на зимние месяцы, самые покушения и убийства – на летние ... зато наиболее дерзкие акты совершены были именно зимой» [29, с. 253].

Сопоставляя данные опубликованных источников о количестве террористических жертв начала XX в., можно наблюдать следующие тенденции: 1) наибольшее количество жертв от террористических актов приходится на 1907 г.; 2) количество террористических покушений делает резкий прогрессирующий скачок в октябре 1905 г. и, начиная с 1908 г., резко идет на

снижение; 3) в годы первой российской революции количество жертв среди госслужащих первоначально превосходило число жертв среди частных лиц. В 1906 г. эта разница начинает выравниваться. В 1907 г. количество жертв среди частных лиц постепенно начинает превосходить, а с 1908 г. – превосходить уже в несколько раз число жертв среди госслужащих; 4) со второй половины 1906 г. резко увеличивается количество экспроприаций, причем с постоянным ростом грабежей частных капиталов, что значительно увеличивало и число жертв среди мирных жителей.

Встречающиеся цифры террористической проблематики в революционной печати нередко грешат неточностью, конспиративной скудостью сведений и подчас откровенной неправдой. Несколько раз переиздававшийся известный список-таблица эсеровских терактов, опубликованный под нераскрытым именем М. Ивич, изобилует перевираанием фамилий, неточностями в важных деталях и датах, присвоением эсерами терактов, выполненных другими партиями [29, с. 96–112]. Автор приплюсовал эсерам взрыв анархистами бомбы в г. Севастополе 14 июня 1905 г., в результате которого пострадало несколько городских, один из которых погиб, и смертельное ранение получил сам террорист [30, с. 252]. Невзирая на поднятый бундовцами скандал [31, с. 128] по поводу присвоения теракта 2 августа 1905 г., совершенного в г. Борисово Минской губ., Ивич относит и его к эсеровским заслугам. Тогда была брошена бундовскими дружинниками бомба в драгунский разъезд и пострадали более десятка человек. По характеру используемой информации, ее объему и встречающимся опечаткам можно сделать вывод, что основным источником для автора была информация о террористических актах, активно публикуемая в эсеровской местной и центральной печати в годы революции. Автором-составителем таблицы, вероятно, был человек, который имел доступ к архиву ЦК ПСР и собрания эсеровской публицистики. Всего с момента образования партии, указывал М. Ивич, было совершено 205 актов: в 1902–1904 гг. – 6 терактов, в 1905 г. – 51, в 1906 г. – 78, в 1907 г. – 62, в 1908 г. – 3, в 1909 г. – 2, в 1910 г. – 1, в 1911 г. – 2 [29, с. 96–112]. Количество терактов в зависимости от года публикации таблицы незначительно варьируется, и эти расхождения демонстрируют то, что в нее включались только известные ЦК ПСР сведения.

Так, все издания указывают, что в 1902–1904 гг. эсерами совершено только 6 покушений. Из них 4 известных центральных акта

осуществила Боевая организация ПСР*, 2 других в 1903 г. – местные боевые дружины – ранение 14 октября бердичевского помощника пристава Кулишева и 31 октября в Белостоке второе покушение на полицмейстера Метленко. Игнорирование других происшествий за 1902–1904 гг., таких как неудачное покушение на одесского градоначальника Д. Б. Нейгарда 9 сентября 1904 г. или с таким же результатом покушение 23 декабря 1904 г. на екатеринославского полицмейстера Машицкого, можно объяснить только их самодеятельностью, провинциальностью, отчасти отсутствием жертв. Такое же отношение и с 1908 г. М. Ивич отмечает только 3 покушения эсеров: убийства 5 января в Красноуфимске председателя Союза русского народа, 23 апреля в Екатеринославе полицейского надзирателя и того же числа неудачное покушение на воронежского губернатора М. М. Бибикова. Он игнорирует большое количество других эсеровских терактов за 1908 г., причем упоминавшихся в местной эсеровской печати, по крайней мере, более двух десятков покушений на частных и должностных лиц в Центральном Черноземье [7, с. 213], убийство 8 сентября в Смоленске провокатора Н. С. Воронкова [1, с. 97–105] и др. Стоит учесть, что признанный знаток ПСР жандармский полковник А. И. Спиридович в своей работе об эсерах [32] фактическую часть террористической активности партии во многих случаях буквально переписал с «Памятной книжки», в некоторых местах уточняя только детали. В свою очередь, работа Спиридовича целыми страницами была перепечатана в 1918 г. в книге «Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охраны».

Вообще в вопросе количества террористических актов, осуществленных различными российскими революционными организациями, исследователи, к сожалению, предпочитают использовать общие фразы, сравнительные категории или округленные порядковые цифры. Исключений очень мало, и они, в первую очередь, касаются истории ПСР.

В революционной периодике, особенно в изданиях партий, использующих террористические методы борьбы, периодически выходили рубрики «Террор», «Хроника», «Из партийной

деятельности», «Террористическая борьба», «Террор в деревне», где печатались сообщения о совершенных терактах и при имеющихся возможностях некоторые детали. Через свою партийную печать комитеты объясняли причины совершенных актов, давали опровержения слухам и официально предупреждали потенциальные жертвы о своих намерениях. Именно эти скудные сведения и составляют основу партийной статистики и для современных исследователей. Сколько-нибудь более широкую информацию о терактах революционные газеты печатали только в случае гибели террориста, его ареста и суда. При этом информация касалась только личности боевика. В этих статьях родился жанр предсмертных писем террористов, и продолжилась народовольческая практика публикаций судебных речей-прокламаций революционеров и описания казни террористов. Кроме того, в партийной литературе могла быть обнаружена информация, доступная только посвященным. Так, в 1907 г. парижское издание «Анархист», со ссылкой на кадетскую газету «Товарищ», горько отмечало: «В течение одного последнего полугодия в Лодзи убито (на партийной почве, во время столкновений «народовцев» с социалистами) 127 рабочих и 6 рабочих; в то же самое время со стороны слуг царского правительства в этот период убито всего 15 и ранено 6 человек» [33].

Считать сведения революционных партий более объективными, чем государственные источники, не обоснованно. Они дают на порядок меньшее количество терактов, чем организовали партии на самом деле. Преимущественно эти цифры – результат обработки партийной периодики и литературы, что, как уже было отмечено, не является достаточным по данному вопросу. Но даже эти источники вызывают известные разногласия. Так, у признанных исследователей партии эсеров существенно различается количество совершенных в 1902–1911 гг. партий терактов: Д. Б. Павлов называет совокупную цифру в 233 покушения [34, с. 149], К. В. Гусев – 263 [35, с. 34], а М. И. Леонов – 247 [36, с. 401–413]. И если Павлов с Гусевым в основном солидарны в подсчетах, указывая за 1905 г. 59 терактов, в 1906 г. – 93 и в 1907 – 81, то Гусев дает иные цифры – соответственно 56, 74 и 57.

Самостоятельных научных подсчетов показателей террористической активности на совокупном анализе источников исследователями проводилось немного. Это достаточно понятно, если учесть сложность поиска фрагментарной информации в архивах и противоречивость имеющихся данных, которую трудно сопоставить и

* 2 апреля 1902 г. – убийство С. В. Балмашевым министра внутренних дел Д. С. Сипягина, 29 июля 1902 г. – покушение Ф. К. Качуры на харьковского губернатора И. М. Оболенского, убийства 6 мая 1903 г. рабочим О. Е. Дулебовым уфимского губернатора Н. М. Богдановича и 15 июля 1904 г. Е. С. Сазоновым министра внутренних дел В. К. Плеве.

объяснить. Среди зарубежных исследователей статистику по количеству жертв дали А. Левин и Л. И. Страховский. Основная масса историков, изучающих этот период, ссылаются именно на этих авторов и оперируют полученными ими цифрами. Оба исследователя дают статистику, превосходящую, хотя и незначительно, как полицейские, так и газетные сведения. «По данным А. Левина, начиная с октября 1905 г. в течение года было убито и ранено 3611 государственных чиновников. Согласно цифрам Л. И. Страховского, за 1906 г. было убито 738 чиновников и 645 частных лиц, ранено соответственно 948 чиновников и 777 частных лиц. На 1907 г. цифры убитых составили не менее 1231 чиновника и 1768 частных лиц, раненых – 1284 и 1 734» [3, с. 363]. Сведения Страховского в некоторых случаях буквально повторяют цифры, сообщенные ДП третьей Государственной думе и опубликованные Таганцевым. Можно предположить, что именно они были взяты за основу и уточнены на основании своих данных. Каким образом получена Левиным чрезмерно большая совокупная цифра в 3611 пострадавших за один год чиновников, ответить затруднительно. Однако очевидно, что эта цифра не реальна, даже если объединить жертвы среди государственных служащих и частных лиц.

Касаясь вопроса жертв революционного терроризма по регионам и губерниям, необходимо отметить исчерпывающее рассмотрение этой проблемы А. Гейфман [3, с. 34–53]. Но представленные обширные сведения по национальным окраинам запутывают ситуацию со статистикой еще более. Так, ссылаясь на документы Особого отдела ДП из фондов Государственного архива РФ, автор отмечает, что только в Польше за 5 месяцев с октября 1905 до конца февраля 1906 г. террористами было убито или ранено 1967 официальных и гражданских лиц, что превосходило аналогичные цифры по всей империи [3, с. 38, 365]. Как согласовать эти сведения с предыдущими данными ДП, ответить трудно, если не допустить, что департамент вообще в число революционных актов жертвы национальных окраин не включал, считая их инцидентами этнических волнений. Сопоставление других данных по Кавказу и Прибалтике эту точку зрения только подтверждают.

Так, за предреволюционные пять лет, принято считать, в империи произошло не более десятка терактов, однако архивные данные дают совсем иную картину. В 1903 г. органы политического сыска зафиксировали покушения разного рода в 68 губерниях [37, с. 176–186], а начальник жандармско-полицейского управления

на Закавказской железной дороге о подконтрольном ему участке сообщал: «Террор в этом районе действовал во всю; в одном 1904 г. насчитывается 47 политических убийств и покушений, оставшихся безнаказанными» [38, с. 618]. Отслеживая критическую ситуацию на национальных окраинах, ДП просто игнорировал очевидные вещи: во-первых, официально провозглашаемое партиями окраин единство национальных и революционно-политических целей и, во-вторых, тесные контакты и взаимовлияние национальных и общероссийских партий, что в дальнейшем и отразится на росте террористической активности в масштабах всей страны.

Таким образом, подводя итоги всего вышесказанного, можно заключить, что кроме официальных сведений Департамента полиции корректных, репрезентативных данных числа жертв революционного терроризма мы не имеем. Использование статистики других источников не всегда оправдано и требует особого обоснования. Кроме того, полицейская статистика критически уязвима и может быть использована только как наиболее точный ориентир для определения тенденций и сравнений. Можно посотовать на то, что появившиеся в последние десятилетия исследовательские работы, затрагивающие в той или иной мере террористическую тематику начала XX в., стараются избегать использования своей статистики, собранной в ходе научной деятельности. Очевидно, что эта статистика, особенно на основе региональных архивов, будет значительно отличаться от известных показателей. Но именно благодаря сопоставлению местных и центральных сведений и совокупности всех данных появляется возможность как приблизиться к пониманию масштабов социальных потрясений российского общества начала XX в., так и понять феномен революционного терроризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. : материалы конф. – М. : Мемориал, 1996.
2. Булдаков В. П. Красная смута : природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – М. : РОССПЭН, 1997.
3. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917 / А. Гейфман ; пер. с англ. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1997.
4. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века) / О. В. Будницкий. – М. : РОССПЭН, 2000.
5. Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...» : об антисемитизме в России / В. В. Шульгин. – СПб. : Хорс, 1992.

6. Канищев В. В. Политическая активность городских средних слоев Центрального Черноземья в период Первой российской революции (Опыт многомерного количественного анализа) / В. В. Канищев, П. П. Щербинин // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX вв. : сб. ст. – Воронеж : ВГУ, 1995.
7. Квасов О. Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.) / О. Н. Квасов. – Воронеж : ВГУ, 2005.
8. Государственный архив Курской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 10133.
9. В. В-в. Террор в России / В. В-в // Словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. 2, дополнительный. – СПб., 1907.
10. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М. : Новое издательство, 2005.
11. Романова Г. В. Борьба подразделений политической полиции Поволжья с революционным террором в 1905–1907 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Г. В. Романова. – Казань, 2004.
12. Морозова К. История российского терроризма (XIX – начало XX вв.) / К. Морозова // Русская цивилизация – информационно-аналитический и энциклопедический портал. – Режим доступа: <http://www.rustrana.ru>
13. Русское слово. – 1906. – 1 ноября (18 сентября).
14. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 102. – ДП ОО. – 1906. – Оп. 236. – Д. 808. – Ч. 1.
15. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1276. – Оп. 2. – Д. 172.
16. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия... // Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / предисл. К. Ф. Шаццлло ; сост., коммент. Ю. Г. Фельштинский. – М. : Мол. гвардия, 1991.
17. Красный архив : исторический журнал. – 1925. – Т. 1(8).
18. Сорока М. Е. Последний императорский посланец в Лондоне граф А. К. Бенкендорф (1903–1916 гг.) / А. К. Сорока // Новая и новейшая история. – 2010. – № 1.
19. Таганцев Н. С. Смертная казнь : сб. ст. / Н. С. Таганцев. – СПб. : Издание М. И. Семенова, 1913.
20. Биржевые ведомости. – 1907. – 15 (2) января.
21. Русские ведомости. – 1905. – 8 июля.
22. Право. – 1905. – 4 сентября.
23. Русское слово. – 1907. – 1 октября (18 сентября).
24. Русское слово. – 1908. – 21 (8) марта.
25. Русь. – 1908. – 6 апреля (24 марта).
26. Малиновский И. А. Кровавая месть и смертные казни / И. А. Малиновский. – Томск : Типо-литография Сибирского товарищества Печатного дела, 1908. – Вып. 1/2.
27. Обнинский В. П. Полгода русской революции : сб. материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906) / В. П. Обнинский. – М., 1906. – Вып. 1.
28. Обнинский В. П. Новый строй / В. П. Обнинский. – М. : Тип. Русского Товарищества печатного и издательского дела, 1909.
29. Памятная книжка социалиста-революционера. – Париж : [Б. и.], 1914. – Вып. 2.
30. Новомирский Д. И. Анархическое движение в Одессе / Д. И. Новомирский // Очерки истории анархического движения в России : сб. ст. – М., 1926.
31. 1905. Еврейское рабочее движение : обзор, материалы и документы / сост. А. Д. Киржниц. – М. ; Л. : ГИЗ, 1928.
32. Спиридович А. И. Революционное движение в России. Выпуск II : Партия социалистов-революционеров и ее предшественники / А. И. Спиридович. – Пг. : Военная типография, 1916.
33. Анархист. – Париж, 1907. – 10 октября.
34. Павлов Д. Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905–1907 гг. / Д. Б. Павлов // Непролетарские партии России в трех революциях. – М. : Наука, 1989.
35. Гусев К. В. Рыцари террора / К. В. Гусев. – М. : Луч, 1992.
36. Леонов М. И. Партия эсеров : середина 90-х гг. XIX века – 1907 г. / М. И. Леонов // Политические партии в российских революциях в начале XX в. – М. : Наука, 2005.
37. Леонов М. И. Террор и смута в Российской империи XX века / М. И. Леонов // Вестник Самарского гос. ун-та. – 2007. – № 5/3 (55).
38. Революция 1905–1907 гг. в Грузии : сб. документов. – Тбилиси : Сахелгами, 1956.

Воронежская государственная лесотехническая академия

Квасов О. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и культурологии

E-mail: kvasovoleg@yandex.ru

Тел.: 8(4732) 53-72-91; 8(4732) 48-77-61

Voronezh State Forestry Academy

Kvasov O. N., Candidate of the Historical Science, Associate Professor of the History, Political Science and Culture Studies Department

E-mail: kvasovoleg@yandex.ru

Tel.: 8(4732) 53-72-91; 8(4732) 48-77-61